

УДК 821.161.1-3(Обух А.)+811.161.1'42. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-105-112.
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,44+Ш33(2Рос=Рус)64-3+Ш141.12-51.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.5

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВ

Насибуллова Г. Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1826-0022>

SPIN-код: 3599-5934

А н н о т а ц и я . Статья посвящена экспликации различных аспектов понимания городского текста, ориентированного прежде всего на лингвистический анализ произведений Арины Обух о Петербурге. Актуальность предпринятого исследования мотивирована включенностью в современную парадигму научных исследований, соотносённых с функционально-семантическим, коммуникативным и дискурсивным аспектами анализа художественного текста. Обращение к данной проблеме диктуется также необходимостью изучения изменений в национальном самосознании, приведших к желанию осмыслить город как категорию культуры, как пространство символическое и целостное. Цель исследования – выявить специфику формирования смыслового поля городского текста. Достижение поставленной цели предопределило постановку ряда задач: 1) рассмотреть и структурировать символы города Петербурга; 2) установить ключевые компоненты денотативного содержания исследуемого образа; 3) выделить и описать доминантные символы, отражающие динамические характеристики изображения города; 4) выявить языковые средства репрезентации каждого из выделенных компонентов и проанализировать особенности их функционирования в локальном тексте. Методы исследования, используемые в работе: интерпретирующий, семантический, дефиниционный, контекстуальный. Материалом исследования послужили художественные тексты Арины Обух, которые входят в серию «Петербург и его обитатели». Представленные и проанализированные на материале художественных текстов данного автора языковые процессы характеризуют языковое пространство современной прозы, восприятие пространства молодой писательницей. Выявлены речевые средства репрезентации авторского видения пространства, а также лексико-семантические средства вербализации традиционных символов Петербурга; показана суггестивная значимость этих средств в эмоционально-эстетическом наполнении языковых образов коннотативными смыслами. Проводится сопоставительный анализ семантики символов города с предшествующими петербургскими текстами. В ходе исследования было установлено, что представление о Петербурге в рассматриваемом дискурсе сформировано в первую очередь знаниями о городе – его значимых местах и объектах, а также сведениями об образе жизни людей, затрагивающими все значимые сферы жизнедеятельности обитателей города. Понятийный компонент в художественных текстах сосуществует с ассоциативными и символическими характеристиками города.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская литература; русские писательницы; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; художественный дискурс; художественные тексты; городской текст; петербургский текст; образ Петербурга; символы Петербурга; А. Обух

Б л а г о д а р н о с т и : работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Насибуллова, Г. Р. Городской текст в современном художественном дискурсе: интерпретация смыслов / Г. Р. Насибуллова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 105–112. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-105-112.

URBAN TEXT IN MODERN ARTISTIC DISCOURSE: INTERPRETATION OF MEANINGS

Guzel R. Nasibullova

Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1826-0022>

A b s t r a c t . The article explicates various aspects of understanding the urban text, focused primarily on the linguistic analysis of Arina Obukh's works about St. Petersburg. The relevance of the research is motivated by its inclusion in the modern paradigm of scholarly research, correlated with the functional-semantic, communicative and discursive aspects of literary text analysis. The interest in this problem is also dictated by the need to study changes in national self-awareness, which has led to the desire to understand the city as a cultural category, as a symbolic and holistic space. The aim of the study is to identify the specificity of the formation of the semantic field of the urban text. This aim predetermined the formulation of a number of tasks: 1) to consider and structure the symbols of the city of St. Petersburg; 2) to identify the key components of the denotative content of the image under study; 3) to identify and describe the dominant symbols reflecting the dynamic characteristics of the image of the city; 4) to identify the linguistic means of representation of each of the selected components and analyze the peculiarities of their functioning in the local text. The research methods employed in this study include interpretive semantic, definitional, and contextual methods. The practical research material comprises fiction texts of the contemporary author A. Obukh, which are part of the series "St. Petersburg and its Inhabitants".

The linguistic processes presented and analyzed on the basis of the literary texts of this author characterize the linguistic space of modern prose and the perception of space by a young writer. The article reveals the verbal means of representation of the author's vision of space, as well as lexico-semantic means of verbalization of traditional symbols of St. Petersburg. The suggestive signifi-

cance of these means in the production of emotional and aesthetic connotations of linguistic images is demonstrated to the readers of the article. The study carries out a comparative analysis of the semantics of the symbols of the city with those from the previous texts about St. Petersburg.

In the course of the study, it was found that the image of St. Petersburg in the discourse under consideration is formed primarily by knowledge about the city – its significant locations and objects, as well as information about the lifestyle of the people touching upon all significant spheres of life of the inhabitants of the city. The conceptual component in fiction texts coexists with the associative and symbolic characteristics of the city.

Key words: Russian literature; Russian women-writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary images; artistic discourse; fiction texts; urban text; St. Petersburg text; image of St. Petersburg; symbols of St. Petersburg; A. Obukh

Acknowledgments: The work was carried out using a grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to higher education institutions, scientific and other organizations to support plans for the development of human resources in terms of stimulating their scientific and scientific-pedagogical staff to defend doctoral dissertations and carry out research work.

For citation: Nasibullova, G. R. (2025). Urban Text in Modern Artistic Discourse: Interpretation of Meanings. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 3, pp. 105–112. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-105-112.

Введение

Город как объект исследования представляет собой сложный и многофункциональный комплекс, который может быть всесторонне изучен лишь в фокусе пересечения целого ряда гуманитарных наук, поэтому он рассматривается в разных аспектах: как элемент социокультурной коммуникации, как сложная семиотическая система и как текст, культурный концепт.

В рамках данного исследования город нам интересен как текст, поскольку это не просто скопление зданий и людей, а самый сложный семиотический механизм, генератор культуры, функционирующий благодаря невероятному переплетению текстов и кодов. Это поистине полиглотный организм, где сосуществуют и взаимодействуют языки различных культур, социальных групп и исторических эпох. Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации [Покровская 2021: 75]. Источниками таких семиотических коллизий являются не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и сами архитектурные сооружения, план города, наименования улиц и другие топонимы, которые выступают как кодовые программы, заново генерирующие тексты о жизни города. В результате появляются новые смыслы, новые формы выражения и новые культурные продукты. В художественном тексте странство переходит из категорий геометрического и физического в категорию семиотического, становится «языком, способным выражать разные содержательные понятия» [Повалко 2017: 54]. Несмотря на то, что сегодня усилиями ученых разных направлений и школ накоплен богатейший материал в описании феномена города (С. С. Аванесов, Н. О. Анисимов, М. В. Голомидова, С. С. Касаткина, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Б. Я. Шарифуллин и др.), в современной науке назрела необходимость переноса когнитивного акцента с человека в городе на город в человеке.

Данная работа посвящена исследованию петербургского текста и стратегий фиксации символов Петербурга в слове на материале художествен-

ного дискурса Арины Обух при помощи сочетания традиций лексической семантики с методами и подходами лингвокультурологии. Мы опираемся на методы и инструменты анализа Ю. М. Лотмана, которые позволяют выявить символический компонент в семантике слова [Лотман 1984]. Значения символов были выбраны с учетом повторяющихся интерпретаций в различных словарях, энциклопедиях символов [Кирло 2010; Королев 2024; Мифы народов мира 1987]. Исходя из высказывания Ю. М. Лотмана о семиотике текста «не языки создают тексты, а тексты создают языки» [Лотман 1992: 192], городской текст мы рассматриваем не как постоянную, неподвижную модель, всегда равную самой себе, а как объект, порождающий новые смыслы в процессе функционирования. Следует учесть, что как при порождении текста, так и при его интерпретации оказываются задействованными несколько семиотических систем, и их семантическое взаимодействие приводит к динамическим смысловым трансформациям уже на уровне субтекстовых структур. Городской текст воспринимается нами как целостная многомерная гетерогенная структура, состоящая из множественности языков порождения и интерпретации и контекстно обусловленных коммуникативных характеристик.

Материалом исследования послужил сборник рассказов Арины Обух «Следующая остановка – “Пионерская-стрит”», принадлежащий к феномену «петербургской нео-прозы», которая рассматривается современными исследователями как художественная система, обусловленная обращением к традиции петербургского текста XIX – начала XX веков, концептуальностью образа города, мотивной структурой, ориентированностью на классические образцы жанра петербургской повести¹ [Ермоchenko 2007: 57]. В литературе существует сложившаяся традиция описания Петербурга, которая начинается со времен А. С. Пушкина. Далее городской феномен художественную реализацию получил в творчестве Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, И. А. Гончарова, позже А. Белого и т. д.

¹ Сипко Ю. Н. Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Ставрополь, 2006. С. 7.

У истоков изучения понятия «петербургский текст» стоят В. Н. Топоров и Ю. М. Лотман, которые раскрывают данное явление со структурно-семиотической и мифопоэтической сторон. Исследователи доказали, что понятие «петербургский текст» – это не просто произведение петербургского автора, действие которого разворачивается в Санкт-Петербурге. В. Н. Топоров предложил основополагающую идею: петербургский текст – это путь к искуплению и воскресению через символическое умирание, суть которого кроется в его синтетичности [Топоров 2003: 14]. Он представляет собой своего рода сверхтекст, аккумулирующий высшие смыслы и цели, трансцендентные авторскому замыслу. Только через этот сверхтекст, по В. Н. Топорову, Петербург обретает символическое и провиденциальное значение, выходит за рамки просто географической локации и превращается в архетип [Там же: 17]. Важно отметить, что не все произведения о Петербурге могут быть отнесены к «петербургскому тексту». Для этого необходимо наличие определенных семантических маркеров, символов и архетипов, которые и формируют упомянутый сверхтекст [Насибуллова 2024: 120]. Интерес к тексту о городе не иссякает по сей день. Современные исследователи расширяют и углубляют разработанную В. Н. Топоровым парадигму, используя новые методологические подходы и анализируя новые тексты. Работы, посвященные изучению городского текста, охватывают не только классическую и современную русскую литературу, но и другие виды искусства. Поиск глубинных культурных кодов, зашифрованных в образе Петербурга, показывает вечную актуальность и многозначность этого уникального литературного феномена. Петербургский текст – это не застывшая структура, а динамическая система, постоянно обогащающаяся новыми смыслами и интерпретациями. Он отражает как историческое прошлое, так и современность, став одним из ключевых образов русской культурной идентичности.

Смыслы петербургского текста в художественном дискурсе А. Обух

Проза Арины Обух, потомственной художницы, выпускницы художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица, сочетает в себе элементы визуальных искусств и словесного мастерства, которые проявляются в точной передаче образов и эмоций через детали, цвета и символы, словно рисуя картину словами [Щеглова 2022: 46]. Ее проза отличается тонкой психологичностью, вниманием к деталям и внутренним переживаниям персонажей, которые сталкиваются с противоречиями, поиском смысла и самоопределением [Закрученко 2019]. Как отмечает литературный критик Татьяна Веретенова, сборник «Следующая остановка – “Пионерская-стрит”» включает автобиографические мотивы, превращаясь в своеобразный диалог писателя с читателем, истории переплетаются с жизненными впечатлениями самой писательницы. «Петербург Обух неожиданным образом лишен своих привычных четких и строгих

линий – для нее он пространство возможных событий, переменчивых, тонких настроений, город – атмосфера» [Веретенова 2025: 256]. Но вместе с тем в рассказах А. Обух петербургский текст переплетает признаки, характерные для новейшей урбанистической литературы и современной женской прозы. Петербург по традиции классиков предстает в тексте писательницы как «мрачный, серый, неуютный город на берегу большой реки, который ломает человеческие судьбы, губит слабых и незащищенных» [Шурупова 2011: 80]. С одной стороны, в дискурсе А. Обух можно увидеть Петербург А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, с другой стороны, мы видим город глазами современного автора-женщины, которая «собирает текст по кусочкам, как лоскутное одеяло, из туманных обрывков, воспоминаний детства, васильковых кишиневских отрезков, исповедей, сновидений и реальности, так похожей на сон»¹. Данное явление В. Н. Топоров объясняет тем, что петербургские тексты разных авторов схожи между собой и насыщены сквозными отсылками от произведения к произведению, благодаря чему смыслы, заключенные в более ранних произведениях, мерцают и просвечивают в сочинениях, отделенных от них многими десятилетиями [Топоров 2003: 17].

Центральным персонажем произведений А. Обух является молодая девушка, живущая в Петербурге. Рассказы построены на ее рассуждениях о жизни, о будущем, об окружающем пространстве.

У А. Обух мы видим интерпретацию города как сложного трансфизического феномена, имеющего коммуникативно-семиотическую природу. Петербургский текст переплетается с внутренним миром автора, т. е. это текст, где происходит метафизическая погруженность героя в себя. В рассказах город выступает как действующее лицо, но в то же время это пространство, в котором «разыгрывается основная тема жизни и смерти и формируются идеи преодоления смерти, пути к обновлению и вечной жизни» [Топоров 2003: 21].

В петербургском тексте сложилась своя символическая структура, которая, повторяясь из одного текста в другой, образует определенную смысловую структуру и получает индивидуально-авторскую интерпретацию. Воссоздавая пространство современного Петербурга, А. Обух опирается на основные символы, составляющие текста о городе, отмеченные еще Ю. М. Лотманом, часто эксплуатируя приемы переосмысления их художественных констант. Вслед за В. Н. Топоровым мы считаем, что к основным «субстратным элементам» урбанистического текста следует отнести климатическо-метеорологический, ландшафтный, а также материально-культурный (планировка, характер, застройка, дома, улицы и т. п.) [Топоров 2003].

Ю. М. Лотман в своих работах о Петербурге описывает город как «призрачный», «искусственный» и «театральный». Исследователь уделяет внимание географическому расположению города,

¹ Михайлов И. А. Арина в стране чудес // Перемены. 2020. URL <https://www.peremeny.ru/blog/25322> (дата обращения: 12.02.2025).

выделяя «эксцентричность города» как антитезу государству и природе. Расположенность Петербурга «на краю» культурного пространства – на берегу моря, в устье реки – приобретает символический смысл. Город создан вопреки природе и находится в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка – с другой.

Пространственное положение Петербурга имеет особое значение в произведениях А. Обух. Географические особенности города являются традиционными субстратными элементами природной сферы петербургского текста. Вслед за авторами классического петербургского текста А. Обух закладывает символический смысл в трактовку эксцентрического расположения города. Центральным понятием для данной модели является описание перехода от пространственной крайности к жизни на краю, на пороге смерти: «*раскачивается между Невой и жизнью*», «*спускается по ступеням к Неве*» [Обух 2024: 188]. Нева предстает как символ смерти, как губительная стихия: «*Потом ее нашли в Неве. Ее забрал Петербург. Молодая, вся жизнь впереди...*» [Там же: 190]. Например, это ярко проявляется в рассказе «В Неву» [Там же: 188], где героиня представляет, кто бы из знакомых спас, если она выбросится в Неву. Здесь Нева – это безысходная ситуация, в которой оказалась героиня. У нее нет цели в жизни, она чувствует себя на краю жизни, что подтверждается в следующих примерах: «*зачем-то спускается по ступеням к Неве*»; «*поскальзывается на последней, не охваченной водной стихией, но заледеневшей ступеньке*» [Там же: 188]. То есть у нее осталась последняя надежда – «последняя ступенька», не охваченная водной стихией (Невой), но и на ней она поскальзывается. Девушка ищет поддержки у знакомых, мысленно обращается к друзьям, но выясняется, что ни один из них не желает или не может ей помочь. Все же в конце рассказа мы видим, что героиня смогла найти выход, начав новую жизнь, но в образе рыбы. Здесь мы видим появление другого символического образа – рыбы, которая является ключевым в сборнике «Следующая остановка – “Пионерская стрит”». Образ рыбы идет лейтмотивом не только в вербальном, но и в графическом пространстве сборника, начиная с фотографии на обложке книги и заканчивая иллюстрациями к рассказам, которые автор рисовала сама. В одном из интервью А. Обух говорит, что для нее «рыба – один из символов Петербурга, его серебряный дух»¹.

Особую роль в понимании текста играет способность автора опираться на разные сценарии, эксплицированные в творчестве А. Ахматовой, И. В. Иванова, А. С. Кушнера и др., идентифицирующих Неву как образ вечного, как мифическую

Лету, текущую в царство мертвых. Автор часто делает аллюзии к предшествующим петербургским текстам, содержащим, например, отсылки к символам власти или к определенным стихийным, разрушительным наводнениям и др.: «*Нева вспоминает себя. Много лет назад она имела власть захватить весь город*»; «*7 ноября 1824 года*», «*23 сентября 1924 года*» [Обух 2024: 7]. Эти примеры показывают очевидную отсылку к известным эпизодам из истории Петербурга, таким образом, вода становится символом исторической памяти и неизбежности природных катаклизмов, влияющих на судьбу жителей.

Из ландшафтных субстратных элементов самыми частотными являются мосты: героиня проходит через мосты, стоит посередине моста. Символическая семантика моста актуализируется как сообщение между Небом и Землей, объединение человека и божества. Как у А. Белого, образ моста представляет одну из самых существенных примет петербургского текста А. Обух [Кихней 2011: 135]. Однако писательница данный традиционный субстрат трактует по-своему. Мост не только выступает границей между островами Петербурга, но и олицетворяет внутреннее состояние повествователя. Это образ связи между разными точками сакрального пространства, переход из одного состояния в другое, изменение или желание перемен, которые вербализуются через движения автора в пространстве: «*Они шли по улице, разговор заворачивал во дворики, переходил мосты, разворачивался на площадях. А если вдруг наступало молчание, то оно было каким-то необременительным*» [Обух 2024: 7].

Следующим частотным ландшафтным субстратным элементом является лабиринт: «*свернули с центральных улиц и оказались в лабиринте дворов-колодцев*» [Обух 2024: 29]. Лабиринт становится символом перехода от обыденного к сакральному; мистерии жизни и смерти; пути жизни через трудности и иллюзии этого мира к центру [Кирло 2010]. У А. Обух это метания повествователя, поиск пути, себя. Следующие лексические единицы, описывающие лабиринт в пространственном плане, демонстрируют будущее повествователя: «*выхода нет*», «*тупик*».

Неуверенность в будущем вербализуется местоимениями и наречиями с семантикой неопределенности, которые добавляют модальность неопределенности эмоционально-смысловой сфере петербургского текста: «*какими-нибудь улочками*»; «*старинный дом, в котором когда-то обитали придворные*»; «*зачем-то спускается по ступеням к Неве*».

Дворы-колодцы – архитектурная особенность Санкт-Петербурга, которая в символической структуре городского текста обозначает замкнутое пространство, отсутствие выхода, духовную и физическую ловушку. Происхождение таких дворов было связано с нехваткой пространства для строительства в XVIII, XIX и XX веках, в результате чего появились строения самой необычной формы, которые, соединяясь друг с другом, образовывали дворы-колодцы с причудливыми арками и воротами. Также считается, что мрачная постмодернистская эстетика дворов-колодцев отображает дух

¹ «Рождение книги»: интервью с Ариной Обух о книге «Следующая остановка – Пионерская-стрит»: интервью, 20 декабря 2024; издательство АСТ М., 2024. URL: <https://ast.ru/news/rozhdenie-knigi-intervyu-s-arinoi-obukh-o-knige-sleduyushchaya-ostanovka-pionerskaya-strit/> (дата обращения: 29.01.2025).

непарадного Петербурга, его оборотную сторону, изнанку. В таких пространствах есть что-то мистическое и неповторимое: кажется, что время там замерло и ничего не меняется столетиями, неповторимая акустика и отсутствие ветра добавляют загадочности. Данные свойства окружающего пространства актуализируют проявление чувства отчаяния, испытываемое персонажем ощущение безысходности и стремление выдержать тяжесть одиночества. Эмоциональное состояние переводится в физическое движение по городу, которое вербализуется следующими глаголами, имеющими интегральную сему «перемещение»: «заворачивал во дворики»; «переходил мосты»; «разворачивался на площадях»; «минуя ... поле, перехожу мостик» [Обух 2024].

Петербург-лабиринт – это жизнь автора, поскольку лабиринт символизирует путь человека по жизни от рождения до смерти, т. е. процесс взросления, или он может символизировать путь человека от религиозного неверия к вере или от неведения к просветлению. В петербургском тексте лабиринт, который состоит из улиц, дворов, колодцев, отображает события в жизни героини: «Темнота, дворы не заканчивались, выхода не было. Но вдруг в одной из арок показался свет. Это ресторанная улица Рубинштейна сияла и пела. Людей было очень много. Довлатов потерялся в толпе» [Обух 2024: 82].

Еще одним доминантным эмотивным смыслом является «одиночество», которое идентифицируется через предметные субстратные элементы петербургского текста: «одиноким маленький столтик и скамейка»; «Тургенев, одиноко сидящий в сквере» [Обух 2024: 82]. Для выражения внутреннего состояния героини Арина Обух умело использует прецедентные феномены. Например, отсылки к художнику Эдварду Хопперу и к его несуществующей картине «Бессюжетная живопись», к картинам итальянского художника Джорджо Кирико выражают обыденность, статичность, отсутствие изменений в жизни героини: «На центральных улицах было много людей, но стоило свернуть, пройти дальше, вглубь, – все исчезало: шум, люди, машины – ничего не было. Картина “Двое в городе” в духе Эдварда Хоппера. Бессюжетная живопись, портреты домов» [Там же: 77].

В рассказах А. Обух нет прямых диалогов, автор общается с неведомым человеком, порой кажется, что собеседника вообще не существует, она разговаривает сама с собой. Автор заполняет пустоту вокруг себя памятниками известных писателей, поэтов, исторических деятелей, поскольку именно они способны быть собеседниками автора, только они могут понять героиню: «Стою одна посередине Пантелеймоновского моста» [Обух 2024: 311]; «Шагаю по Итальянской, прохожу мимо Тургенева, одиноко сидящего в сквере. Неподалеку от него – фонтан, окруженный скамейками, которые никогда не бывают пустыми. У Тургенева всегда безлюдно. С фонтанами людям проще» [Там же: 224]. Идентификация зафиксированных в вербальном коде авторских смыслов постоянно имеет отсылку к фрейму одиночество: «В кафе у Старо-Калинкина моста действительно никого нет. Только мы, пустой трамвай в окне и первый ноябрьский снег» [Там же: 109]. Ощущение одиноче-

ства усиливается двойным отрицанием: «... это такое маленькое грузинской кафе, в котором никогда никого нет» [Там же: 109].

Стратегия понимания текста предполагает анализ наиболее значимых символов в истории городского текста. К таким символам мы относим лексему *трамвай*, который в русской литературе, как отмечает И. З. Сурат, больше, чем транспорт, это образ с символическим звучанием [Сурат 2009: 300], переходящий от одного автора к другому, включающий в себя следующую систему значений: знак городского пространства; проводник во времени и пространстве; свидетель жизни; способ преодоления времени; разрушение, гибель, смерть. У А. Обух *трамвай* символизирует одиночество героини, ее нахождение в замкнутом, неподвижном пространстве, из которого нет выхода, нет избавления: «...Николь была очень одинока в этом городе. Как этот трамвай на кольце» [Обух 2024: 109]. Поедет ли трамвай дальше, возьмет ли повествователя с собой, неизвестно.

Климатические особенности Петербурга находились в центре многих исследований о городском тексте. Часто туманность, сырость, холод, ветер предстают как ключевые климатическо-метеорологические субстратные элементы петербургского текста, которые актуализируются в разных произведениях от А. С. Пушкина до А. Белого. В урбанистическом климате А. Обух из классических субстратов, таких как туман, белые ночи и ветер, лейтмотивом выделяется дождь. Это подтверждается частотностью данной единицы: «вечный дождь, очень сильный дождь, ... и чтобы обязательно шел дождь» [Обух 2024: 10]. В психологии дождь является символом широкого спектра эмоций: с одной стороны, это чувство умиротворенности и спокойствия, очищения, обновления, а с другой – меланхолия и печаль. В петербургском тексте А. Обух дождь – это внутреннее состояние автора, выражающее чувство неопределенности, нестабильности. Автор пытается освободиться от одиночества и грусти: «... мы раздвигали дождь, как кулисы». Чувство безнадёжности имплицитно вербализуется метафорами с семантическими компонентами «природное явление»: «вечный дождь», «сумерки среди ясного дня». Автор стремится к изменениям, что подтверждается климатическим субстратом *гроза*: «Было душно. Синоптики второй день обещали грозу, но небо никак не решалось на сильные чувства, копило влагу. А город жил в предчувствии этого рыдания» [Там же: 29]. Гроза должна смыть грязь и негативную энергию, освободить место для нового роста и позитивных изменений.

Доминантным колоративом в тексте выступает серый цвет, который, согласно словарям символов, выражает отречение, смирение, безразличие; несмотря на свою тонкую красоту, этот цвет чаще всего означает бесцветность [Королев 2024; Кирло 2010]. В символической структуре текста данный цвет символизирует печаль, одиночество, грусть: «город уже накинул на себя серый платок-туман» [Обух 2024: 52]. Но все же у автора есть надежда освободиться от печали, что эксплицируется предметным

субстратом *форточка*: «*Эрмитаж был единственным моим окном в жизнь. Форточкой*» [Там же: 293], а в колоративном слое городского текста перламутровым цветом: «*Мир замер. Нежно-серый, перламутровый, мягкий*» [Там же: 78]. Данный колоратив символизирует ценность, скрытую в темноте, и чувствительность к духовным изменениям. Переход цветовой гаммы от серого к перламутровому в художественном дискурсе А. Обух выражает ее готовность к духовным изменениям, открытость новому.

Единство и различие материально-культурных субстратов петербургского текста А. Обух наблюдаются во времени и пространстве. Различие передается через противопоставление петербургского пространства ленинградскому: «*Продали родину – и переехали из Ленинграда в Петербург. Теперь они живут в ленинградском Петербурге*» [Обух 2024: 274]. В оппозиции Петербург-Ленинград преобладает чувство ностальгии по детству, юности: «*... хотелось жить в Петербурге. ... Нет, я неправильно вам сказала: мне всегда хотелось жить – в Ленинграде*» [Там же: 9]. Переименование топонимов не только соотносится с определенным ис-

торическим или политическим событием, но и имеет силу воздействия на эмоционально-интеллектуальную сферу автора: «*Был когда-то Соляной городок. А остался только Соляной переулок*» [Там же: 288]; «*По качающемуся Цепному мосту косяком ходили классики, еще не ведая, что они классики. А мы ходим по Пантелеймоновскому, нерадивые студенты. Может, все дело в этом – в разных мостах?*» [Там же: 289].

Таким образом, А. Обух переосмысливает и наполняет новой семантикой такие традиционные символы Петербурга, как мосты, дворы-колодцы, трамвай. Окружающее пространство служит для передачи внутреннего мира, чувств писательницы. Рассмотренный петербургский текст в художественном дискурсе автора показывает, что в русской нео-прозе городской текст, продолжая традиции культурного феномена, соединяет в себе его важнейшие характеристики (соотнесенность с другими петербургскими текстами, экзистенциальный характер изображаемой ситуации), при этом приобретает новые эмоциональные смыслы, которые возникают в связи с изменениями в современном обществе.

Источники

Обух, А. П. Следующая остановка – «Пионерская-стрит» / А. П. Обух. – Москва : Издательство «АСТ» ; Редакция Елены Шубиной, 2024. – 343 с.

Литература

- Веретенкова, Т. Г. Надо ли быть своим? / Т. Г. Веретенкова // Дружба народов. – 2025. – № 4. – С. 250–258.
- Голомидова, М. В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста / М. В. Голомидова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 29–53. – DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2. – EDN KYVTIY.
- Гончаров, И. А. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 2 / И. А. Гончаров. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – 358 с.
- Ермоченко, Т. К. Апокалипсический мотив в новой петербургской прозе конца XX – начала XXI века / Т. К. Ермоченко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 12, № 33. – С. 87–89. – EDN KWTFJJ.
- Закрученко, М. Глядеть на жизнь удивляясь / М. Закрученко // Знамя. – 2019. – № 3. – С. 229–231.
- Золян, С. Т. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания / С. Т. Золян // Вопросы языкознания. – 2022. – № 1. – С. 106–119. – DOI: 10.31857/0373-658X.2022.1.106-119. – EDN KRLLXO.
- Кирло, Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Х. Кирло. – Москва : ЗАО «Центрполиграф», 2010. – 525 с.
- Кихней, Л. Г. Преломление «петербургского мифа» в городском тексте романа Андрея Белого «Петербург» / Л. Г. Кихней, А. В. Вовна // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – Т. 17, № 1. – С. 132–139. – EDN OJPGQT.
- Королев, К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. М. Королев. – Москва : Эксмо, 2024. – 600 с.
- Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам. Вып. 18. – Тарту, 1984. – С. 30–45.
- Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин, 1992. – С. 191–199.
- Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2-х томах / под ред. С. А. Токарева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 672 с.
- Насибуллова, Г. Р. Вербализация пространственной модели мира в современной русской и английской женской прозе (на материале произведений А. Матвеевой и Э. Гилберт) / Г. Р. Насибуллова // Филология и культура. – 2024. – № 4 (78). – С. 119–126. – DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-119-126. – EDN GQXHAD.
- Повалко, П. Ю. Пространство как семиотическая и лингвопоэтическая категория в романе А. А. Кабакова «Невозвращенец» / П. Ю. Повалко, М. А. Рыбаков // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 54–59. – DOI: 10.17223/15617793/419/6. – EDN ZAOYND.
- Покровская, М. Е. Вербальное освоение имперского пространства как основа фиксации образов реальности / М. Е. Покровская // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 75–92. – EDN UJEWJI.

- Сурат, И. З. Мандельштам и Пушкин / И. З. Сурат ; Учреждение Российской акад. наук Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва : ИМЛИ РАН, 2009. – 383 с. – EDN QUNPHD.
- Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург : Искусство, 2003. – 616 с. – EDN VNJOIJ.
- Шарифуллин, Б. Я. Языковое пространство: языковой быт и коммуникативная среда города / Б. Я. Шарифуллин // Язык города : Международная научно-практическая конференция. – Бийск, 2007. – С. 45–50.
- Шурупова, О. С. «Строгий, многоводный, темный город». Петербургский и Лондонский тексты / О. С. Шурупова // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 3 (226). – С. 78–83. – EDN NURPNB.
- Щеглова, Е. П. Читать, чтобы увидеть. Арина Обух / Е. П. Щеглова // Вопросы литературы. – 2022. – № 6. – С. 46–61. – DOI: 10.31425/0042-8795-2022-6-46-61. – EDN AUFMHI.

References

- Ermochenko, T. K. (2007). Apokalipticheskiy motiv v novoy peterburgskoy proze kontsa XX – nachala XXI veka = The apocalyptic motif in the new Petersburg prose of the late 20th and early 21st centuries. *Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia*, 12(33), 87–89. EDN KWTFJJ.
- Golomidova, M. V. (2023). Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: obraz goroda v dinamike toponimicheskogo teksta = Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: The image of a city in the dynamics of a toponymic text. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14(1), 29–53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2. EDN KYVTIY.
- Goncharov, I. A. (1997). *Sobranie sochineniy: v 20 t. T. 2 = Collected works: in 20 vols. Vol. 2.* Saint Petersburg: Science Publishing House, 358 p.
- Kikhney, L. G., Vovna, A. V. (2011). Prelomlenie «peterburgskogo mifa» v gorodskom tekste romana Andrey Belogo «Peterburg» = The refraction of the “Petersburg myth” in the urban text of Andrei Bely’s novel “Petersburg”. *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 17(1), 132–139. EDN OJPGQT.
- Kirilo, Kh. (2010). Slovar' simvolov. 1000 statey o vazhneyshikh ponyatiakh religii, literatury, arkhitektury, istorii = Dictionary of symbols. 1000 articles about the most important concepts in religion, literature, architecture, and history. Moscow: Tsentrpoligraf, 525 p.
- Korolev, K. M. (2024). Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem = Encyclopedia of symbols, signs, and emblems. Moscow: Eksmo, 600 p.
- Lotman, Yu. M. (1984). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda = The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city. *Semiotics of the city and urban culture. Works on sign systems (issue 18)*, 30–45. Tartu.
- Lotman, Yu. M. (1992). Simvol v sisteme kul'tury = A symbol in the cultural system. *Articles on semiotics and topology of culture*, 191–199. Tallin.
- Nasibullova, G. R. (2024). Verbalizatsiya prostranstvennoy modeli mira v sovremennoy russkoy i angliyskoy zhenskoy proze (na materiale proizvedeniy A. Matveevoy i E. Gilbert) = Verbalization of the spatial model of the world in modern Russian and English women’s prose (based on the works of A. Matveeva and E. Gilbert). *Philology and Culture*, 4(78), 119–126. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-119-126. EDN GQXHAD.
- Pokrovskaya, M. E. (2021). Verbal'noe osvoenie imperskogo prostranstva kak osnova fiksatsii obrazov real'nosti = Verbal development of imperial space as a basis for capturing images of reality. *Imagines Mundi: Almanac of Research on General History of the 16th–20th Centuries*, 11(5), 75–92. EDN UJEWJI.
- Povalko, P. Yu., Rybakov, M. A. (2017). Prostranstvo kak semioticheskaya i lingvopoeticheskaya kategoriya v romane A. A. Kabakova «Nevozvrashchenets» = Space as a semiotic and linguapoetic category in the novel by A. A. Kabakov “The Defector”. *Bulletin of Tomsk State University*, 419, 54–59. DOI: 10.17223/15617793/419/6. EDN ZAOYND.
- Sharifulin, B. Ya. (2007). Yazykovoe prostranstvo: yazykovoy byt i kommunikativnaya sreda goroda = Linguistic space: The linguistic way of life and the communicative environment of the city. *Language of the city*, 45–50. Bysk.
- Shcheglova, E. P. (2022). Chitat', chtoby uvidet'. Arina Obukh = Read to see. Arina Obukh. *Questions of literature*, 6, 46–61. DOI: 10.31425/0042-8795-2022-6-46-61. EDN AUFMHI.
- Shurupova, O. S. (2011). «Strogiy, mnogovodnyy, temnyy gorod». Peterburgskiy i Londonskiy teksty = “A strict, watery, dark city...”: St. Petersburg and London texts. *Russian language abroad*, 3(226), 78–83. EDN NURPNB.
- Surat, I. Z. (2009). Mandel'shtam i Pushkin = Mandelshtam and Pushkin. Moscow: IMLI RAN, 383 p. EDN QUNPHD.
- Tokarev, S. A. (Ed.). (1987). Mify narodov mira: Entsiklopediya: v 2-kh tomakh = Myths of the peoples of the world: in 2 vols. Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House, 672 p.
- Toporov, V. N. (2003). Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannyye trudy = The Petersburg text of Russian literature: Selected works. Saint Petersburg: Art Publishing House, 616 p. EDN VNJOIJ.
- Veretenova, T. G. (2025). Nado li byt' svoim? = Do I have to be my own. *Friendship of Peoples*, 4, 250–258.
- Zakruchenko, M. (2019). Glyadet' na zhizn' udivlyayas' = Looking at life in wonder. *Banner*, 3, 229–231.
- Zolyan, S. T. (2022). Yuriy Lotman: o problemakh yazyka i yazykoznaniya = Yuri Lotman: On the problems of language and linguistics. *Questions of linguistics*, 1, 106–119. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.1.106-119. EDN KRLLXO.

Данные об авторе

Насибуллова Гузель Ришатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия).

Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: nasibullova.g@mail.ru.

Дата поступления: 11.04.2025; дата публикации: 31.10.2025

Author's information

Nasibullova Guzel Rishatovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Contrastive Linguistics Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia).

Date of receipt: 11.04.2025; date of publication: 31.10.2025